

СЕЛИНА КАТРИН

МСИ
СВОДНЫЙ
С ЦВАРГА

Селина Катрин

Мой сводный с Цварга

<https://litres.ru/73880181>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня вырвали из Средневековья и подарили жизнь на блестящем Цварге — планете, где женщины ценятся как сокровища. Теперь я — приёмная дочь влиятельной семьи, окружённая вниманием мужчин, готовых на всё ради моей руки. Но сердце принадлежит тому, о ком запрещено даже мечтать — сводному брату Яранелю, единственному, кто для меня значит всё!

Содержание

Глава 1. Званный вечер	4
Глава 2. Сладкое наказание	18
Глава 3. Перспективный жених	27
Глава 4. Сделка	32
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Селина Катрин

Мой сводный с Цварга

Глава 1. Званный вечер

Айлин

Зимнее солнце проникало через огромные окна, заполняя просторную гостиную мягким светом. Пламя в камине лениво потрескивало, отражаясь на отполированном паркетном полу золотыми бликами. Гости бродили туда-сюда, смех и оживлённые разговоры смешивались в один бесконечный шум. Но я не слышала этого. Мой взгляд скользил по комнате, вот уже целый час не находя *Его*.

Я стояла у фуршетного стола и нервно кусала губы. В голове билась одна мысль: когда уже можно будет уйти?

— Айлин, дорогая, познакомься, это Рикард. — Отец ободряюще коснулся моего плеча. — Один из лучших выпускников экономического факультета, сейчас управляет собственным инвестиционным фондом.

— Очень приятно.

Я заставила себя растянуть губы и подала ладонь тыльной стороной, как того требовал этикет на этой планете.

— Наслышан о красоте приёмной дочери семьи Рошфор, но всё равно оказался не готов. Вы ослепительны! — Вы-

сокий брюнет с обсидиановыми рогами-резонаторами легко коснулся моих пальцев. Не поцеловал, но сделал это так медленно, что по спине пополз холодок.

Я аккуратно вытянула собственную ладонь и спрятала за спину.

— Благодарю.

Несмотря на десять с лишним лет жизни на Цварге, мне всё ещё тяжело давался физический контакт с мужчинами. Касания, открытые взгляды, постоянный невидимый груз ожиданий — всё это выводило из равновесия.

— Дорогая, а это Ханс, архитектор. Недавно закончил работу над проектом нового жилого комплекса в центре столицы. — Отец продолжил представлять меня сыновьям влиятельных семей.

Этот молодой мужчина, в отличие от ранее представленного Рикарда, не спешил с лобызанием конечностей, чему я была в душе очень рада. Ханс, слегка склонив голову к плечу, улыбнулся и внимательно осмотрел меня... с головы до пят. Его взгляд задержался на декольте (кстати, самом скромном из всех присутствующих леди) дольше, чем хотелось бы.

— Очень рад знакомству, Айлин. — А вот голос оказался глубоким и тягучим, как мёд.

Я кивнула, ощущая, как щёки предательски краснеют. Сколько внимания... Наверное, я никогда не привыкну, что на Цварге на десяток мальчиков рождается от силы две-три девочки.

Отец обернулся, явно желая представить ещё кого-то, но я вцепилась в рукав его пиджака и, сделав брови домиком, громко зашептала:

— Па-а-ап, я очень устала. Можно я пойду?

— Но это же твой праздник... твой выпускной. Ты теперь дипломированный декоратор, это целое событие, — растерялся папа. — Разве ты не хочешь ещё здесь побыть? С кем-нибудь познакомиться?

Арно Рошфор был замечательным отцом. Самым лучшим, кого я вообще могла себе вообразить, когда меня забирали с Террасоры[1], но иногда его забота становилась неподъёмным грузом.

— Пап, мне не очень хорошо. Кажется, я съела что-то не то. Подташнивает.

Я дотронулась до открытого участка кожи отца и сосредоточилась на мыслях, как мне некомфортно и как неуместно я себя здесь чувствую. Это огромное количество посторонних мужчин и женщин, взгляды... Небольшой обман, которому научили в специализированной школе для леди.

«Наши мужчины чувствуют эмоции, но не всегда могут правильно их интерпретировать», — говорила преподавательница, и я, к своему стыду, часто этим пользовалась.

— О, дорогая... Тогда иди к себе, конечно. Отдыхай, — среагировал чуткий Арно.

Я с нескрываемым облегчением кивнула, подхватила длинный подол вечернего платья и, позвякивая цепочны-

ми украшениями в волосах, быстрым шагом вышла из центральной комнаты поместья. Коридор, ещё один коридор... Я избегала встреченных на пути гостей, стараясь укрыться от их внимательных взглядов.

Эти знакомства. Эти бесконечные разговоры. Поцелуи рук, приглашения на прогулки, комплименты... Все цварги, с которыми меня знакомили, были зубодробительно галантны, воспитаны, вежливы и не скрывали, что хотят одного: стать частью семьи Рошфор, завладеть статусом и влиянием, которое Рошфоры наращивали поколениями. Никто не говорил этого прямо, но всё было очевидно.

Конечно, отец не словами, но действиями подчеркивал, что с радостью примет любой мой выбор и породнится с любой семьёй, чьего сына я выберу в мужа. Вот только он и не представлял, насколько неблагодарную дочь воспитал.

Моё сердце давно принадлежало одному-единственному мужчине, и увы, о нём даже думать было нельзя. Шутка ли, влюбиться в собственного сводного брата? Единственного и горячо любимого наследника четы Рошфор. Извращение какое-то.

Спасительное одиночество настигло меня на застеклённой лоджии с восхитительным видом на заснеженные горы. Я захлопнула дверь, подошла к окнам и тяжело выдохнула. Наконец-то. Сердце всё ещё стучало слишком быстро — то ли от повышенной концентрации мужского внимания в гостиной, то ли от чувств, которые я безуспешно пыталась по-

давить.

«Ты должна быть счастлива, — внезапно строго напомнила о себе совесть. — Вселенная подарила тебе шанс, который был далеко не у всех террасорок. В двенадцать лет ты оказалась в этой замечательной семье. Чета Рошфоров удочерила, баловала, относилась как к родной. Тебе не просто выделили комнату в жилище, дали еду и не стали заставлять надевать наручи[2], а подарили тепло и заботу, образование и свободу, возможность выбрать будущего мужа среди десятков мужчин. Что же ты за неблагодарная дочь-то такая? Как смеешь думать об их единственном сыне и наследнике рода? Айлин, тебе должно быть стыдно и мерзко от собственного поведения!»

Я со стоном положила ладони на стеклопакет и прислонилась к нему лбом. Прохлада слегка отрезвила.

— Какая же я всё-таки отвратительная...

За окном простирались восхитительные белые горы, покрытые искрящимся снегом, словно вершины засыпало драгоценными камнями. Снежная зима Цварга напоминала сказку, и хотя бы за возможность увидеть это чудо я должна уже сказать Вселенной спасибо. Деревня, где я родилась, располагалась в самом сердце выжженной пустыни. Палящее лето уступало место лишь чуть более терпимой засушливой осени, а дожди были редким, почти мифическим явлением.

Что-то ослепительно блеснуло среди деревьев в заснеженном саду, и взгляд мгновенно прикипел к источнику вспыш-

ки, жадно впитывая каждую деталь. Сердце сорвалось в галоп. Я знала лишь одного цварга, который покрыл рога-резонаторы золотом. Им был мой сводный брат. Солнечные лучи, отражаясь от их сверкающих изгибов, расплескивались по снегу множеством ярких бликов, словно кто-то рассыпал вокруг крошечные звёзды.

Яранель стоял в длинном кашемировом пальто, небрежно накинута на широкие плечи, и разговаривал с цваргиней. Его волосы — куда более длинные, чем принято носить на Террасоре, но существенно короче, чем носит большинство мужчин на Цварге — были художественно растрёпаны ветром. Я невольно залюбовалась этой необычной укладкой и тем, как крупные снежинки переливаются на тёмных прядях.

Высокий, с безупречной осанкой, он излучал какую-то неуловимую силу, из-за которой я не могла оторвать от него взгляда с самого первого дня нашего знакомства. Даже в самой обычной одежде сводный брат выглядел как герой из древних легенд Террасоры. Как потомок могущественных джиннов — тёмно-сиреневая кожа, мощный хвост, от взмаха которого замирает дыхание, длинные чувственные пальцы, характерный излом густых бровей и губы... Владыка, какие же у него губы! И хотя здесь мне доступно объяснили, что цварги — никакие не потомки джиннов, а просто другая раса, я всё равно ничего не могла с собой поделать.

Яранель что-то говорил, его тёплые серо-коричневые глаза светились, а уголки губ были приподняты в едва замет-

ной, но очаровательной улыбке, которая могла бы согреть даже морозный день. Рядом с ним стояла цваргиня. Абсолютно роскошная, она идеально подходила сводному брату: стройная, в дизайнерском полушубке, который подчёркивал её хрупкость, и с идеально гладкой сиреневой кожей, отличающей лёгким перламутром.

С губ Яранеля сорвалось облачко пара, и она рассмеялась. Затем чуть наклонила голову и кокетливо тронула брата за локоть.

Я непроизвольно впиалась ногтями в ладони, стараясь не выдать своих чувств. Эта цваргиня флиртowała так естественно, что я мысленно взвыла. Ну почему на её месте не могу быть я? Почему Яранель смотрит на всех девушек и уделяет внимание каждой, но не мне?! Неужели я рано или поздно выйду замуж за другого цварга, а для него так и останусь лишь младшей сестрой?

Мысли о сводном брате внезапно прервал мужской голос: — Айлин? Вот вы где. Ваш отец сказал, что вы ушли и больше не появитесь. Я, признаться, расстроился, но теперь рад, что всё-таки встретил вас.

— Я... да... Просто стало немного душно, — пробормотала, отворачиваясь от окна.

Чёрт, чёрт, черт... так и надо было поступить! Уйти! Высокий силуэт цварга выделялся на фоне тёплого света из соседней комнаты. Впрочем, все мужчины этой расы казались мне высокими из-за рогов-резонаторов, которых у

террасорцев не было и в помине. Бескрайние пески, как же его зовут? Отец представил, но дырявая память наотрез отказывалась сообщать имя.

Тем временем элегантно одетый мужчина вышел на лоджию, бесшумно закрыл за собой дверь и шагнул ближе. В левой руке он умудрялся ловко держать сразу два бокала с красной жидкостью.

— Понимаю. Званные вечера — это не для всех. Я сам предпочитаю более тихие мероприятия. — Цварг протянул один из бокалов. — Позвольте угостить. Это вино из коллекции моей семьи — «Лазурис Альба». Производится из редчайшего сорта винограда, растущего только на плато Лазурных Скал.

— О-о-о... спасибо... — Я взяла бокал и растерянно посмотрела на нового знакомого, не зная, как правильно поблагодарить.

Чёрные брови взмыли на лоб.

— Айлин, вы забыли моё имя?

Как же неудобно-то получилось...

— Да, простите.

Мужчина неожиданно улыбнулся и покачал головой.

— Ничего страшного, такой красивой девушке вполне простительно не помнить имён всех гостей. Меня зовут Ханс. Я архитектор и, кстати, с удовольствием рассмотрел вашу выпускную работу. Она бесподобна! Потрясающее чувство стиля, меры и вкуса.

— Боюсь, вы мне льстите. Я всего лишь декоратор.

Я поспешно уткнулась в бокал, совершенно не чувствуя вкуса напитка. Хотелось хоть как-то отгородиться от подошедшего слишком близко Ханса. Эта интимная обстановка: полумрак — свет я не стала включать, — лишь мы вдвоём, лоджия и романтический вид на горы — давила на психику. Не то чтобы я чего-то опасалась в отцовском доме, меня тут никто и пальцем не тронет, но неуютно, когда мужчина вторгается в личное пространство. Есть вещи, которые впитываются с молоком матери, и никакое образование, смена места жительства и окружение их уже не изменят. Если на Тerrasore мужчина так близко подходит к женщине, это означает лишь одно: он заявляет на неё права.

— Я считаю, что дизайн — это настоящее искусство. Абсолютно в любой сфере он является ключом к сердцу покупателя, помогает продавать и делать деньги, — продолжал говорить Ханс, не догадывающийся о моих мыслях. — Расскажите, чем вы планируете заниматься.

— Писать картины. Иногда для души, иногда на заказ.

— Интересно. А подробнее можно? Вы хотите открыть собственную студию?

Вот же назойливый...

— Пока не думала об этом. Я же только сегодня получила диплом об окончании учёбы. — Я смущённо развела руками.

Ханс, видимо, решил, что я хочу отдать бокал, и скользнул совсем уж непозволительно близко, и в этот момент позади

раздался внезапный, режущий как зульфикар[3] и до боли знакомый голос брата:

— Моей сестре нельзя пить алкоголь! Ханс, что ты себе позволяешь?

К моему удивлению, гость даже не вздрогнул. Он лишь лениво обернулся и сообщил:

— Это не просто алкоголь, а элитное вино «Лазурис Альба». Я не вижу ничего плохого в том, что Айлин попробует это уникальное сочетание...

Но договорить цварг не смог, потому что снова был перебит:

— Айлин не цваргиня. Она человек. У неё нет нашей репродукции, а следовательно, и спиртное она переносит плохо.

Прежде чем я успела сообразить, что происходит, Яранель порывисто шагнул ко мне, взял бокал и выплеснул вино в ближайший горшок с фикусом. Затем не моргнув глазом вручил пустой бокал обратно Хансу. И даже остановился так, чтобы невольно частично закрыть меня плечом от гостя. Я ошеломлённо переваривала происходящее. Яранель всегда был образцом галантности и холодного самообладания, текущая выходка по меркам общества относилась почти что к хамству. Что с ним такое?..

— Благодарю, — сухо добавил он, как будто вовсе не вёл себя только что возмутительно.

На секунду мне показалось, что гость удалится, но... лишь показалось. Настырный архитектор даже бровью не повёл.

— Вообще-то Айлин не человек, а террасорка и в случае чего сама может за себя постоять, — чуть насмешливо протянул он. — Даже если алкоголь подействует сильнее, чем на цваргиню, ничего плохого не произойдёт. Она ведь сильная и независимая девушка, а ещё очень храбрая, стоит только представить, что, будучи двенадцатилетней малышкой, Айлин решила преодолеть парсеки космоса и переселиться на другую планету. Я вот в своём окружении больше не знаю настолько храбрых... хм-м-м... даже цваргов, на самом-то деле. За тебя, Айлин!

Ханс демонстративно отсалютовал бокалом и отпил.

Я внутренне заметалась, не зная, как поступить. Этикет и правила приличия требовали ответить на комплимент. Если бы у меня всё ещё было вино — то можно было бы ограничиться глотком, но так как я осталась без бокала, надо было срочно придумать не менее красивые слова в ответ. Почему-то в присутствии Яранеля этого делать совсем не хотелось.

В горле пересохло.

— Я... м-м-м... благодарю. Право слово, не стоит... — попыталась я подобрать подходящие слова, боковым зрением отмечая, как напряглись плечи Яра.

— Ещё как стоит, Айлин! Вы изумительны. Девушка из Средневековья, которая как губка смогла вобрать в себя всё лучшее на нашей планете, получить высшее образование, но сохранить в себе ту первозданную уникальную чистоту,

которой отличаются террасорки. Вы достойны восхищения, чтобы вас каждый день носили на руках и целовали запястья, а не прятали в четырёх стенах.

Я внутренне содрогнулась от перспективы, описанной Хансом. На миг представилось, что куча неизвестных мужчин скандирует моё имя и просит разрешения прикоснуться... Бр-р-р!!!

— Ещё одно слово, — вдруг с тихой угрозой сказал Яр, — и я подумаю, что ты сейчас критикуешь действия моей семьи. А как ты знаешь, Рошфоры очень не любят, когда их действиям дают какую-либо характеристику.

Я вновь изумилась. Да что с Яром? До покалывания в пальчиках захотелось посмотреть ему в лицо, но он всё ещё отгораживал меня плечом от гостя и фактически стоял ко мне спиной.

— О, вечно ты всё переворачиваешь с хвоста на рога, Яранель! — фыркнул Ханс. — Совсем со времён студенчества не изменился.

— Нет, это ты не изменился. Я, к счастью, одумался на втором курсе и поменял факультет на управление бизнесом.

— Ты сейчас сказал, что я занимаюсь ерундой?

— Я сказал то, что сказал.

«О-о-о... так они давно знакомы. Тогда понятно, откуда столько агрессии, — подумала я, чувствуя, как внутри нарастает усталость. — Видимо, не поделили что-то в прошлом. Какой-то бесконечный званый вечер».

Вздохнула. Вот уж не ожидала, что на это мимолётное движение мгновенно среагируют оба цварга.

— Айлин, что случилось? — одновременно спросили оба.

— Принести воды? — добавил Ханс, отставляя бокал. Я посмотрела на обеспокоенное лицо сводного брата, затем — на не менее встревоженного архитектора и почувствовала укол вины.

— Всё в порядке. Я, пожалуй, пойду к себе. Спасибо за вечер, Ханс. Приятно было познакомиться. Яранель, спокойной ночи.

С этими словами я торопливо вышла с лоджии, чувствуя, как две пары глаз прожигают мне спину. После выпитого голова действительно кружилась. Чёрт, вроде пару глотков сделала, а уже ведёт... Только бы до спальни добраться, и можно будет лечь спать. Три коридора проскочила незаметно, перед глазами встала широкая мраморная лестница. Бескрайние пески! Надо было в левое крыло идти, там же лифт.

Я потопталась на месте, чувствуя, как гудят ноги от шпилек. Возвращаться зверски неохота. Ладно, поднимусь здесь, чего уж...

[1] О причинах переселения террасорок на Цварг рассказано в книге «Принцесса Восточного Созвездия».

[2] Наручи — широкие металлические браслеты, которые традиционно надеваются на девочек-террасорок и, к сожалению, причиняют им боль из-за некоторых биологических особенностей организма. Подробнее в книге «Принцесса Во-

сточного Созвездия».

[3] Зульфикар — изогнутый меч с Террасоры.

Глава 2. Сладкое наказание

Яранель

Я весь вечер прятался от неё. А может быть, от себя, кто знает. Я чувствовал себя отвратительно, но иначе было нельзя. Айлин... Не сестра, а наказание! Самое сладкое и желанное из всех наказаний, которые только можно вообразить. В какой жизни я так нагрешил, что теперь ежедневно, еже часно, ежеминутно чувствую себя извращенцем?!

Образ Айлин преследовал меня даже во снах яркой вспышкой, которую невозможно игнорировать. Каждый жест, каждый взгляд, каждый взмах ресниц напоминали, что я зашёл слишком далеко в своих чувствах. Её нельзя любить. Нельзя хотеть. И тем более нельзя желать спрятать от всех молодых цваргов, которые, как бы тщательно ни скрывали свой эмоциональный бета-фон, вызывали у меня лишь глухую бессильную ярость.

Я прикрыл глаза, и передо мной всплыло воспоминание. Мне было семнадцать, ей — всего двенадцать. Я помнил этот день так, будто это было вчера. День, когда Айлин впервые переступила порог дома Рошфоров. Это было ясное солнечное утро, я как раз договорился с приятелями покататься на сноубордах в горах. Я встал пораньше, оделся в горнолыжный костюм, схватил доску и... буквально столкнулся с миниатюрной девчачьей фигуркой в узкой прихожей. На незна-

комке было необычное, явно принадлежащее к другой эпохе тёмное платье до пят с широкими рукавами, в тонких светлых косичках блестела гора странных медных колечек, а на меня смотрели самые прекрасные и в то же время испуганные голубые глаза сквозь прорези кожаной маски.

— Ты кто, чудо, и какой музей грабанула? — не удержался.

— Ла-ля-тра-ни-руа, — певуче отозвалось создание и метнулось к стене, чуть не опрокинув на себя напольную вешалку с одеждой.

Я успел вовремя поймать последнюю, но тут послышался характерный звук рвущейся ткани. Я вообще не понял, что произошло, но почему-то на полу уже валялся порванный на лоскутки мой любимый шарф, который я собирался наматывать на горло.

Мы с незнакомкой ошеломлённо уставились друг на друга. В этот момент послышались громкие шаги и голоса родителей, которые как раз зашли в дом.

— Яр, дорогой. — Мама первой заметила нашу игру в гляделки. — Знакомься, это Айлин. Мы её удочерили. Теперь она твоя сестра.

— Как удочерили?!

Я ещё раз оглядел «чудо». Мелкая, щуплая, хрупкая... но не это меня поразило, а то, что через прорези маски явно угадывалась бежевая кожа.

— Человек?

— Не человек, а террасорка, — заходя в дом, поправил отец. — Сын, ты совсем новости не смотришь? Цварг и Террасора заключили пакт, по которому мы раз в четыре года освобождаем несколько сотен местных девушек, чтобы подарить им новую жизнь. Это отсталая планета на границе с Федерацией. Там очень плохо относятся к женскому полу, долгая история, так что в любом случае им здесь будет лучше. Мы с твоей мамой всегда мечтали о нежной маленькой цваргине, но появился лишь ты. — Отец шутливо потрепал меня по голове. — Любящий драки, паркур и сноуборд. В общем, когда АУЦ предложил удочерить эту малышку, мы даже не сомневались ни секунды.

— Эм-м-м... то есть у меня теперь будет сестра, которая даже разговаривать на нашем языке не умеет?

Новость, мягко говоря, огорошила. Нет, я, конечно, знал, что родители мечтают о дочери... Но на Цварге в принципе усыновление не было поставлено на поток, так как детей рождалось очень мало и ни одна семья в своем уме не откажется от ребёнка. А если вдруг с родителями что-то случается, то детей обязательно возьмут на попечение ближайшие родственники: так меня бы, например, точно усыновили дядя Кейвин или троюродная тётка по матери.

В общем, я чувствовал, что мир вращается вокруг на пару световых скоростей быстрее, чем я способен воспринимать, а потому вопрос прозвучал, вероятно, слишком грубо. Честное слово, я не имел в виду ничего такого! Скорее, конста-

тировал факт, но отец нахмурился.

— Так, Яр, мне не нравятся вот эти твои интонации. Да, она не знает нашего языка и всему будет учиться, и я очень надеюсь, что ты как старший брат во всём будешь помогать Айлин и мне не придётся за тебя краснеть. Она маленькая, на пять лет младше тебя, так что будь добр, относись к ней так, как относился бы к родной сестре. Будь для неё хорошим примером. Я надеюсь, мы друг друга хорошо поняли?

— Да, пап, — обескураженно произнёс. — Я ж не дурак какой.

Нагнулся, поднял две длинные полоски разрезанного шарфа и под пристальным взглядом отца недолго думая половину шарфа намотал на шею Айлин, а вторую — на себя. В ответ получил внезапно робкую улыбку и очень тонкие, едва уловимые цветочные бета-колебания. Девчонка не умела говорить на цваргском, но она поблагодарила меня в эмоциональном плане, и это оказалось неожиданно вкусно.

С того дня я невольно втянулся в роль старшего брата. И если вначале я это делал больше для того, чтобы доказать, что «я ж не дурак какой», и чтобы родители мною гордились, то постепенно мне начало действительно нравиться заботиться об Айлин. Я показывал и объяснял, как пользоваться техникой, потом водил по паркам и музеям, а когда она наконец начала говорить более уверенно, с восторгом взялся учить её всему, что умел сам.

Так у нас появился с ней один мир на двоих, и с каждым

новым умением он ширился и светлел. Мне нравилось чувствовать себя рядом с этим ребёнком взрослым и ответственным мужчиной, я обожал те вкусные цветочные бета-колебания, которые исходили от Айлин. А когда она сама брала меня за руку, это балдёжное состояние было сравнимо лишь с тем, как будто ты годами приручаешь маленького испуганного дикого зверька, и он привыкает к твоим рукам и сам начинает из них есть. Но больше всего подкупало то, как она смотрела на меня. Не просто смотрела, а так, словно я — центр её Вселенной.

А что может вскружить голову молодому парню сильнее, чем девушка, которая смотрит на тебя как на божество? Это возносит так сильно, что стараешься быть лучшей версией себя и ужасно боишься не оправдать ожиданий. Когда тобой восхищаются, на тебя полагаются, тебе безгранично доверяют, тебя искренне благодарят — это такой крышесносный коктейль эмоций, после которого любой другой вкус кажется пресным. Запретное пламя, вашу швархову[1] мать, и ураган эмоций в одном флаконе!

Первое прозрение меня настигло, когда Айлин исполнилось семнадцать, а мне, соответственно, двадцать три. Один из папиных друзей был у нас дома. Айлин сама приготовила еду — несмотря на штат прислуги, она очень любила это делать — и папин бизнес-партнёр отметил, что из моей сестры выйдет замечательная жена.

Жена.

Слово будто астероид обрушилось на мои резонаторы. Я замер. Воздух в комнате стал тяжёлым. Внутри что-то перевернулось. Айлин... жена. Это прозвучало так... неправильно. Ну какая из Айлин будущая женщина?

И в то же время я вдруг увидел её иначе. Она уже не была той маленькой девочкой, которая училась произносить моё имя без смешного акцента. Она была юной, красивой, умной, невероятной... *девушкой*. И эта мысль... Эта мысль ударила так сильно, что я почти задохнулся.

Я невольно посмотрел на неё. Она вежливо улыбалась, благодарила за комплимент, её щёки слегка порозовели. Но что-то во мне отозвалось болезненной ревностью.

Айлин — будущая жена. Но не моя.

Собственные мысли напугали. «Яр, мужик, ты чего? Со всем тю-тю?» — сказала собственная совесть. И, вторя ей, спросил друг отца:

— Арно, а как твои дети ладят между собой? Нет ревности? Я слышал, что в семьях, куда берут приёмных детей, старшие в штыки воспринимают неродных.

Отец закашлялся.

— Мой Яранель всегда отличался благоразумием и порядочностью. Я считаю, что воспитал достойного сына. Впрочем... если ты не веришь мне, Айлин, скажи, как к тебе относится Яр? Не обижает?

— Что ты, пап! Я очень люблю Яранеля! Он лучший брат на свете! Я о таком могла только и мечтать, как и о вас с

мамой, — тут же ответила Айлин, очаровательно покраснев и выдав в бета-фон, что говорит чистойшую правду.

Гость засмеялся, назвав отца «бесстыдным везунчиком», а у меня эхом в голове отразилось: «Он лучший брат на свете». Ну да, брат. А ты что хотел, Яр, извращуга?

Я открыл глаза, выныривая из воспоминаний. В саду напротив меня стояла цваргиня с чернично-чёрными волосами и недовольным выражением лица.

— Яранель, ты меня слышишь? — раздражённо спросила она, ломая веточку в руках.

— Да, — машинально ответил я, но тут же осознал, что не слушал вовсе.

— Ну и что ты думаешь насчёт моего предложения? — Элионора игриво поиграла бровями.

— Прости, это которое?

Цваргиня закатила глаза.

— Яр, я, конечно, понимаю, что у тебя в голове калькулятор и сплошные вычисления, как приумножить капитал семьи, но я же уже намекнула! — Она строго посмотрела на меня и, не найдя нужной эмоции на лице, шумно вздохнула: — Ладно, говорю совсем уж открыто. Через три дня твои и мои родители снимают соседние шале на Снежном Пике. Как ты смотришь на то, чтобы незаметно заглянуть в мою комнату, когда все будут на катаниях? — Она выразительно поиграла иссиня-чёрными бровями. — Тебе уже тридцать, мне двадцать девять... Понятное дело, что определённые ве-

щи до брака на Цварге не одобряются, но мы же прогрессивное поколение. В конце концов, я не хочу однажды оказаться в браке с женщиной, который мне совершенно не подходит м-м-м... темпераментом.

Элионора дотронулась до моего локтя и открыто посмотрела в глаза, а я замер, шокированно переваривая услышанное. Почему-то вместо того чтобы возмутиться предложению или, наоборот, воспользоваться им, я спросил:

— А откуда ты знаешь, что наши семьи снимают шале?

— П-ф-ф, отца подслушала. Твой зовёт. Там гулянка будет в честь какого-то праздника... — Она наморщила нос, пытаясь вспомнить.

— День рождения Айлин.

— А! Да, точно. День рождения твоей сестры. Ну что? Как ты смотришь на то, чтобы мы уединились, пока эта террасорка будет задувать свечи на торте?

Я всё ещё обдумывал, как вежливо завершить разговор, когда взгляд зацепился за до боли знакомый силуэт на застеклённой лоджии. Свет внутри был выключен, но даже в полумраке я безошибочно узнал хрупкую фигурку Айлин. В изящном вечернем платье, подсвеченная мягким отблеском снега за окнами, она выглядела частью зимнего мира — эфемерной, но невыносимо реальной.

Я мог бы узнать её среди ночи, в толпе, в любой точке Вселенной. Но не это заставило сердце пропустить удар. Рядом с ней на непозволительно близком расстоянии в рас-

слабленно-самоуверенной позе стоял Ханс. Мой старый одноклассник, от бета-фона которого за версту ломило резонаторы.

Кровь мгновенно закипела в жилах, в неё подмешали чистую ярость. Гнев накрыл с головой, вытесняя разум. Почему он так близко к Айлин? Зачем она вообще позволила ему остаться с ней наедине?

Пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Грудь сдавило от злости, смешанной со жгучей всепоглощающей ревностью. Я не знал, что больше вызывало ярость: его нахальная близость или то, что она позволяла это. Айлин была моей. Не в буквальном смысле, конечно, но в глубине души это чувство никогда не требовало логики.

— М-м-м... Прости, Элионора, но не получится. Я должен срочно уйти.

Я отодвинул цваргиню в сторону и, не обращая внимания на возмущённо-обиженный взгляд, рванул в сторону дома.

[1] Шварх — авторское ругательство на территории Федерации Объединённых Миров. Подробнее, кто такие швархи и почему ими ругаются, рассказано в диалогии «Академия Космического Флота: Дежурные» и «Академия Космического Флота: Спасатели».

Глава 3. Перспективный жених

Яранель

— Яранель, тебе не кажется, что ты слегка перегибаешь палку в опеке над своей сестрёнкой? Ей вообще-то через несколько дней двадцать пять исполнится.

Стоило Айлин уйти в дом, как Ханс со своим словесным недержанием просто не смог не пройтись по моему поведению. Мы и раньше-то не очень тесно общались, но сейчас хотелось размазать его по стенке. Я медленно повернулся и смерил взглядом бывшего одноклассника, прикидывая, насколько неприлично будет вмазать ему. Как же он бесил...

Душа требовала броситься за Айлин и убедиться, что она спокойно дойдёт до комнаты и к ней не пристанут всякие полудурки, но, увы, так делать было нельзя. Хотя бы просто потому, что выглядело бы вопиюще странно.

— Всё равно она младше, и я защищаю её от внимания нежелательных элементов.

— Это я-то нежелательный? — фыркнул Ханс, потянувшись с ленивой грацией, как сытый кот. Его самоуверенность буквально заполнила всё пространство вокруг. Меня подташнивало от его довольных бета-колебаний. — Яр, ты в курсе, что твой отец ищет ей мужа, а у меня с Айлин, согласно предварительной экспертизе Планетарной Лаборатории, более восьмидесяти пяти процентов совместимости? Так что

смирись, скоро я стану твоим шурином. — Он хлопнул меня по плечу.

— Откуда ты знаешь? — процедил я, едва сдерживая рвущуюся наружу ярость, и дёрнул плечом, скинув ладонь нагльца. — Террасорки не обязаны сдавать биоматериал. Этот закон касается только цваргинь.

— Не обязаны, но кто же мешает Планетарной Лаборатории провести такой анализ, тем более когда все граждане планеты так или иначе обращаются в поликлиники и сдают кровь? Деньги, знаешь ли, многое решают.

Ханс выразительно поиграл бровями и наклонился, будто делиась секретом:

— А ещё твои родители любят детей. Очень. Думаю, когда Арно Рошфор будет выбирать жениха для приёмной дочери, пометка, что от меня у него будут внуки, перевесит любые другие преимущества. А ещё Айлин жила на Террасоре до двенадцати лет, это очень долго. Ей в подкорку воспитанием заложили во всём подчиняться сильному мужчине и рожать-рожать-рожать... Идеальная же жена получится. Надо только выстроить правильный ассоциативный ряд.

На наглой холёной морде расплзлась раздражающе самодовольная улыбка. Ханс говорил о ней так цинично, что внутренности перекрутило неистовой обидой за Айлин. Он понятия не имел, какая она на самом деле, а видел только её внешность, удобную расу и возможную выгоду.

— Ты слишком уверен в себе, Ханс, — бросил я сквозь

зубы. — Но не забывай, что Айлин не товар. Она сама будет выбирать себе мужа.

— Вот именно. Она будет *выбирать*. Не мешайся, Яр. Я понимаю, что у нас в институте не всё складывалось гладко, но, может, пора забыть старые недопонимания в прошлом?

Бывший одnogруппник отставил бокалы на ближайший стол и подошёл почти вплотную. Я чувствовал, как его эманиции давят, провоцируя агрессию. Ханс понизил голос до едва различимого угрожающего шёпота:

— А если ты и впредь будешь мешаться под ногами и фонить на всю округу этими низкочастотными бета-колебаниями, то я подумаю, что ты испытываешь к Айлин отнюдь не светлые братские чувства. Вот же позор для Арно Рошфора будет, если это выплывет на публику, правда? Древний род, уважаемая влиятельная семья — и сын с такими низменными мыслями о собственной *сестрёнке*!

Ханс усмехнулся, нагло глядя мне в глаза, а затем противно исказил тон, перейдя на фальцет:

— Ой, а знаете, Яранель Рошфор вообще-то заботиться должен был, а не думать, как развратить Айлин. Погодите-погодите, а сколько малышке было, когда её удочеряли? Как двенадцать?! Он совсем извращенец?! По таким астероид плачет.

Не знаю, догадался он или шёл ва-банк, но времени раздумывать у меня не было.

— Смотри, как бы самому не опозориться, — зарычал, не

узнавая свой голос.

— А ты смирись и отойди в сторону. Даже если это буду не я, то рано или поздно какой-нибудь красавец вставит твоей сестре в её маленькую очаровательную дырочку...

Что произошло дальше, я сам не понял. Какой-то миг — и мой кулак впечатался в скулу Ханса. Ещё миг — и этот напыщенный индюк отлетел в окно, пуская по стеклопакету трещины, словно это было самое простое стекло.

— Ты совсем придурок, Яр?! — взорвался архитекторишка, сплёвывая кровь на пол. — А если я расскажу об этом своему отцу?

— Валяй, — с безразличием ответил я. — А я расскажу, какой ты воспитанный и галантный джентльмен, Айлин. Слово в слово ей всё передам. Идёт?

Я повернулся и решительно вышел прочь. Больше мне было с Хансом говорить не о чем. В спину посыпались проклятия, что я ещё пожалею, но, если честно, было абсолютно плевать. У нас, цваргов, регенерация высокая, наутро у Ханса не останется и следа от моего удара, а если у него имеются мозги, то окровавленной мордой он сегодня вечером больше не будет светить.

Нахлынувшие чувства куда-то гнали, я шёл, кипя от негодования и думая, как же много вот таких вот Хансов среди цваргов, которые потребительски смотрят на террасорок. Это цваргини прекрасно знают свои права, рождены на планете как «сокровище нации» и будут требовать танцевать во-

круг них канкан, годами выбирая супруга пореспектабельнее, а террасорки милые и робкие по своей природе и воспитанию... Я сам не заметил, как под действием эмоций неожиданно уловил остаточный след бета-колебаний Айлин и вырулил к боковой мраморной лестнице, как раз когда фигура сестрёнки покачнулась на середине, попыталась схватить перила, но промахнулась в последний момент.

Глава 4. Сделка

Айлин

Дура! Дура! Идиотка!

Никогда больше не пить! Никогда не надевать каблуки! Никогда не носить такие длинные неудобные платья! А-а-а!

Вся жизнь промелькнула перед глазами. Я испугалась, что разобью голову насмерть или сломаю позвоночник, как крепкие руки подхватили меня одновременно за талию и под затылок, в том самом надёжном и защитном жесте, каким каждая мать укачивает своего малыша.

Сердце всё ещё колотилось в груди как сумасшедшее, когда перед лицом очень близко возникли тёплые серо-коричневые глаза. У нас на родине такой оттенок называют «пепельная дюна».

— Осторожнее, Айлин. — Голос сводного брата прозвучал так мягко, словно бархат обернул и приласкал мои потрёпанные нервы.

Я попыталась поблагодарить, но предательские лёгкие отказывались служить хозяйке. Бескрайние пески! Да мне и ноги, и руки отказали, как инвалиду-параплегику.

— Ты в порядке? — спросил он, не отпуская меня. Его пальцы по-прежнему удерживали за талию, а ладонь под затылком едва ощутимо дрожала, как будто это он, а не я, только что пережил головокружительное падение.

Древние джинны, если вы существуете, пожалуйста, продлите этот момент!

— Я... да... наверное, — пролепетала, чувствуя, как лицо заливают краской.

Яр чуть нахмурился. Чувственные сливовые губы сжались в тонкую линию, словно он всё ещё не был уверен, что я не пострадала. На миг представилось, что Яр сейчас наклонится и поцелует... Собственная фантазия породила ещё большую вспышку страха, как только я осознала, что Яранель может учуять мои эмоции. Но Яр отреагировал так, как реагировал всегда — как очень правильный старший брат.

— Не надо было пить, Айлин, — строго пожурил он. — Что за глупая идея — пить алкоголь вместе с посторонним цваргом, прекрасно зная, что на тебя спиртное действует сильнее, чем на него! Чтобы я больше такого не видел, понятно?

— Так я просто устала, каблук и платье... — вяло попыталась объяснить, всё ещё утопая в чарующих пепельных дюнах и колыбели мощных рук сводного брата.

— Угу, и «Лазурис Альба». Я всё понял. Держись.

— Да я сама могу дойти...

Но прежде чем я успела возразить, моё тело играючи подняли в воздух, и пришлось обхватить Яра за широкие плечи.

— И дойти сама можешь, и всё разбить по дороге — это мы уже проходили, — привычно проворчал заботливый Яр, неся меня вверх по ступенькам в комнату.

Я замолкла, уткнувшись носом в мужскую шею и внутренне шалея от тепла от его тела. Движения Яранеля были такими плавными, будто он совсем не чувствовал моего веса. Неожиданно в голову пришло давнее воспоминание, как Яр вот так же играючи пронёс меня на руках добрых семь километров.

— Ты что такая тихая? — вдруг спросил он где-то над ухом, пощекотав горячим дыханием.

— Да так, вспомнила кое-что из детства... Помнишь, как мы сбежали летом в горы и ты решил показать, как умеешь лазать по вертикальным стенам?

— Да-а-а, — протянул сводный брат с коротким смешком. — Я был идиотом. Хотел похвастаться перед тобой, какой сильный, но мне и в голову не пришло, что ты станешь повторять. Ни одна из моих знакомых девушек не рискнула бы туда полезть. Из-за меня ты разбила коленку.

— Все твои знакомые девушки были приличными цваргинями, а я — единственная и неутомная террасорка, которой остро требовалось попробовать всё на свете, — с улыбкой возразила я. — Ты не мог предвидеть, что я обзавидуюсь и полезу вслед. К тому же ты тогда нёс меня на руках через поля и луга.

— Если понадобилось бы, то пронёс бы и снова. Ты почти не изменилась в весе. А вот мы и в твоей спальне.

Меня бережно сгрузили на кровать, и только сейчас я заметила алые разводы на рукавах Яранеля. Ну и своих соб-

ственных, разумеется, только на вечернее платье мне было плевать, в отличие от рук брата.

— Владыка, Яр! — воскликнула я, с ужасом глядя, как белоснежный батист рубашки пропитывается кровью. — Я тебя ранила! Почему ты промолчал?! Ещё и нёс меня!

— Потому что неглубоко и не больно, — отмахнулся Яр. — Ты-то как?

Да как-как!

Я взмахнула руками, тщетно пытаюсь выразить негодование. Террасорок часто ошибочно называли людьми. Такая раса действительно существовала в Федерации, и мы были почти идентичны — за исключением одного: строения рук. У девушек с Террасоры, в отличие от коренных жительниц Захрана и Танорга[1], имелось на тридцать четыре косточки больше. По семнадцать в каждой руке, они крепились с одной стороны сухожилиями и мышцами к общему скелету, а с другой имели заострённую часть. Когда в крови появлялся адреналин определённой концентрации, он запускал сложную реакцию. И тогда — бах! Мои руки и руки соотечественниц от запястья до локтя покрывались острыми, как бритва, и невероятно прочными костяными ножами.

Это мне рассказали в специальном Центре Адаптации при переселении, назвав способность эволюционным механизмом защиты.

Официально на Цварге старались не трубить о нашей маленькой особенности, но по факту в семьях, где жили терра-

сорки, конечно же, все знали, на что мы способны. В детстве я перепортила кучу вещей, прежде чем научилась не выпускать шипы из рук по каждому случаю. И да, одной из главных задач Центра Адаптации на Цварге было научить террасорок владеть шипами. На далекой родине на девушек надевали ужасные металлические наручи, которые деформировали кости.

— Яр, ты прекрасно знаешь, что у меня организм приспособился выпускать кости так, что я этого уже даже не чувствую. Показывай свои раны.

— А у меня цваргская регенерация, так что завтра уже всё затянется. Показывай свои руки, — отмахнулся этот... этот... у-у-у! Аж зарычать на него захотелось! Упрямец, вот он кто!

— Ладно. Я показываю свои, ты — свои. Идёт?

— Идёт, — неожиданно тепло улыбнулся Яранель.

И пока он не отказался от сделки, я схватила ножницы с прикроватной тумбочки и стремительно отрезала рукава вечернего платья по локоть. Мои наряды шились на заказ у талантливой дизайнера, который совмещал террасорские традиции с современной модой Цварга. Отец долго искал модельера, стараясь угодить, но мне, честно говоря, было плевать на одежду. Косвенно из-за этой тряпки пострадал Яранель, а значит, это плохое платье.

— Ого! Женщина, а ты дорого обойдёшься своему супругу, — присвистнул Яр, наблюдая, как ловко я отпарываю

лишнее.

В этом был весь Яр. Он мог шутить даже тогда, когда истекал кровью.

— Не дорого, — ответила я, не желая поддерживать шутку. — При желании вообще могу обойтись футболками мужа. Вот, смотри. — Я продемонстрировала предплечья, покрытые отдельными алыми каплями.

Шипы уже успели уйти обратно под кожу, да и сама кожа настолько привыкла к ним, что перестала ощущать даже дискомфорт. Пока я не научилась себя контролировать, кости одно время достаточно часто выходили наружу, но болевой синдром от раза к разу уменьшался. Местный док, осмотрев мои руки, отметил, что в областях, где двигаются кости, произошли изменения: капиллярная и нервная ткани частично сместились и трансформировались.

— Понял-понял, ты из клана суровых пустынных амазонок, — сказал Яр, и в его словах мне всё ещё слышалась улыбка.

Он взял мою руку в ладонь, что-то внимательно разглядывая на коже, и осторожно провёл подушечкой пальца вдоль зеленоватой жилки до самого сгиба локтя. Невинное движение, но от него внутри всё перевернулось. Его тепло ощущалось настолько отчётливо, что я едва удержалась, чтобы не вздрогнуть.

— Так не больно?

Во рту пересохло, и я сглотнула, надеясь, что он не заме-

тит. Сердце билось гулко, отдаваясь где-то в горле, а внизу живота распустился цветок — яркий, пульсирующий, заполняющий всё пространство внутри. Странное, но восхитительное чувство. Будто стоишь на краю пропасти, отчаянно боишься упасть, но одновременно мечтаешь сделать шаг в черноту.

— Айлин, так не больно? — повторил сводный брат и нахмурился.

— Нет, — быстро отозвалась я и вытянула руку.

— Странно... Мне показалось, что ты как будто нервничаешь. Твои бета-колебания такие... взволнованные, что ли.

— Это остаточное после падения, — торопливо соврала я, усилием воли приглушая эмоциональный фон.

Мой сводный брат — цварг, он многое считает «из воздуха», и он точно не идиот. Я не могу проколоться и выдать всю глубину своих совершенно неуместных чувств. Этот мужчина столько лет заботился обо мне как о младшей сестре, носил на руках, делился едой и просто оберегал, а я тут — нате! Свалюсь на голову со своей неуместной и никчёмной влюблённостью... Ему уже тридцать, невесту скоро выбирать.

— Так, я за аптечкой. Сейчас. Готовь свои руки, — быстро добавила, вставая с кровати.

Я метнулась к шкафу, где держала всё необходимое. Когда ты случайно можешь кого-то порезать, волей-неволей заводишь привычку держать в комнате аптечку. Серебристый

пластиковый кейс с голубым шприцом на крышке был заполнен всем, что могло понадобиться: антисептики, бинты, стерильные салфетки, медицинские пластыри, антибиотики, мази и даже пара шприцев с обезболивающим. Всё это я собирала сама, с маниакальной тщательностью, понимая, что в моей жизни раны — вопрос не «если», а «когда».

Я развернулась, придерживая аптечку одной рукой, и так и замерла.

В тот момент, когда настаивала на сделке, я как-то не подумала, что Яранель снимет рубашку.

Он устроился на краю моей постели, обратив лицо к окну, и излучал спокойную, почти небрежную уверенность. Его спина с плавными линиями мускулатуры в мягком свете прикроватных ламп казалась идеальной. Кожа тёплого виноградного оттенка переливалась мягким матовым сиянием, подчёркивая каждую деталь совершенной физической формы. Лопатки, чуть заметнодвигающиеся при каждом вдохе, напоминали движение крыльев — мощных, но грациозных. Готовых подняться в любой момент. Даже не напрягаясь, его мышцы были совершенны: чётко прорисованные, но не грубые, скорее утончённые, словно созданные природой для идеального баланса силы и красоты.

Я забыла, как дышать. Сердце застучало слишком быстро, а во рту вдруг стало сухо. Я всегда знала, что сводный брат очень красив, но всё равно не могла поверить, что мужской силуэт на моей кровати — живая дышащая реальность.

Грудь сдавило от странного неосознанного трепета.

«Айлин, быстро очнись! Ты что, Яранеля без рубашки ни разу не видела?» — шикнула разумная часть меня, и я встрепенулась.

Вообще-то, справедливости ради, стоит отметить, что так близко — нет, не видела. В поместье Рошфор имелся просторный банный комплекс, и поначалу Яр с энтузиазмом взялся учить меня плавать. Однако когда Яру исполнился двадцать один год (а мне, соответственно, шестнадцать), он решил с размахом отметить свой день рождения и позвал кучу гостей... в бассейн. За час до мероприятия мама зашла ко мне в комнату и сообщила, что я могу присоединиться к празднеству, но только в столовой, запретив переодеваться в купальник.

Я так и не смогла добиться, почему именно мне нельзя к брату, получив расплывчатое: «Будет слишком много молодых приятелей Яра. Не пристало приличной девушке быть там». На встречный вопрос, неужели родители разрешают Яру делать что-то неприличное, мама со вздохом ответила, что мужчинам всегда всего разрешается больше, да и вообще — Яранель теперь совершеннолетний, а я — пока нет. Воспитанной леди не пристало щеголять в купальнике перед мужчинами.

С того дня я больше не купалась в бассейне в то время, когда там находился сводный брат, и наоборот — тоже. Издалека в коридоре могла увидеть его силуэт в распахнутом

халате, но на этом всё.

— Айлин, ты нашла аптечку? — Яр обернулся.

Точно, аптечка!

«Смотри ему или в глаза, или на руки, дурная!»

Я стремительно переместилась к Яру, открыла аптечку, разложила тонкую впитывающую губку на покрывале и полила оба предплечья сводного брата антисептиком, отчаянно стараясь не думать, что вот он, сидит напротив меня. Мужчина, который мне снится каждую ночь. Мужчина, чей запах вызывает тихую эйфорию в груди, заставляя дышать глубже. Его улыбка... Чёрт, после неё от меня можно заряжать электростанцию — так сильно колотится сердце.

Полуголый!

Впрочем, совсем скоро я действительно сосредоточилась лишь на ранах — большинство порезов пришлись по касательной, но один выглядел весьма глубоким и, как назло, располагался на груди Яранеля. Видимо, когда я обнимала его, цепляясь за плечи, один из шипов не убрался, а Яр даже не поморщился, показав, что ему больно!

— Я залью гелем для регенерации? — Я вскинула взгляд на сводного брата, спрашивая разрешения.

— Да не стоит, он само к утру... — начал он, а затем почему-то передумал: — Слушай, а давай. Всё равно хуже не будет.

Я кивнула, взяла на подушечку пальцев немного геля и под села ещё ближе, примериваясь, как нанести лекарство,

и стараясь не думать ни о рельефной мышце, которую буду сейчас трогать, ни о том, что дыхание сводного брата щеко-чет щёку.

— М-м-м... Айлин, — вдруг произнёс Яр, когда я, увлёкшись, в третий раз промазывала края раны.

— А? Больно? — Я отдернула пальцы и посмотрела на «пациента». Между нашими лицами вдруг оказались какие-то сантиметры, и я смущённо отпрянула.

— Нет-нет, что ты. У тебя лёгкая рука, — улыбнулся Яр, но я уже стремительно закручивала колпачок тюбика. Ещё пластырь, и работа будет сделана.

— Я хотел у тебя спросить... хм-м-м... точнее, сказать... нет, всё-таки спросить.

Да, что-то странный он сегодня, вот точно.

— Как ты относишься к Хансу? Он тебе нравится?

Я так и замерла, наполовину распаковав пластырь.

— М-м-м... Ну-у-у, он высокий, симпатичный и, наверное, успешный архитектор. — Я пожала плечами.

— Он тебе нравится или нет? Как мужчина? — настойчиво переспросил Яранель, внезапно перехватив запястья.

— Не знаю. Нет, наверное. — Я недоумённо посмотрела вначале на свои руки внутри крупных ладоней Яра, затем на него самого.

Он никогда не задавал мне таких вопросов. Отец и мама порой намёками выспрашивали, не понравился ли мне кто-то на последнем светском мероприятии, но родителям

в принципе такое было свойственно. В конце концов, чета Рошфор планировала рано или поздно породниться с другим влиятельным родом благодаря моему замужеству. Яранель же так шумно и облегчённо выдохнул, что я совсем растерялась.

— А должен был? — ляпнула я внезапно для самой себя. Ну, вдруг Ханс — старый приятель Яранеля, и тот хотел бы, чтобы он мне понравился...

— Нет, что ты. — Яр улыбнулся так, как умел только он, и легонько погладил моё запястье большим пальцем правой руки.

О-о-о... Если бы это было прилично, то, клянусь, я замурчала бы как кошка! Владыка, как же приятно!

— Я просто хотел предупредить, что считаю неправильным то, как он повёл себя с тобой. И алкоголь, и его бета-колебания... Я считаю, что он плохой цварг и не подходит тебе.

— Ладно.

Яранель

Я мысленно приготовился аргументировать, что Ханс — не вариант, как сводная сестра покладисто отозвалась:

— Ладно.

А-а-а, ну не мог же я процитировать Айлин ту мерзость, что сказал о ней Ханс? Она бы не поняла. Она у меня такая нежная, открытая и ранимая...

Яр, стоп! Хватит. Остановись. Ты грёбаный ревнивый

брат-извращенец.

Я с трудом оттормозил себя на мыслях поцеловать Айлин. Просто взять и расставить все точки над рунами, одним поступком объяснив сводной сестре, как на самом деле к ней отношусь. Как внутри всё сводит судорогой, когда я вижу, как кто-то вторгается в её личное пространство. Или когда она широко улыбается... но не мне.

Айлин склонилась к моей груди и профессиональными движениями обрабатывала в общем-то плёвую рану. Единственное, что меня остановило от того, чтобы сделать этот прометчивый шаг, — её реакция на моё тело.

Каюсь, я намеренно не стал закатывать рукава или отрезать их, как сделала она. Вместо этого просто снял рубашку. Мне отчаянно хотелось, чтобы она обратила на меня внимание. Не то чтобы я привык демонстрировать свой торс, но случаи бывали — в бассейнах, спортзалах, на пляжном волейболе. Если на Цварге женщин не много, то на Тур-Рине, куда я ездил во время учёбы по обмену, я точно мог сказать, что вызываю у девушек интерес. И это касалось не только моих ровесниц.

Однако Айлин даже не взглянула, полностью сконцентрировавшись на порезах. Я не почувствовал и тени тягуче-острых бета-колебаний похоти, которые неизменно излучали девушки, смотревшие на меня без рубашки. Эмоции сестры были лёгкими и светлыми, воздушными — похожими на восторг или искреннее восхищение — она всегда так пахла

в ментальном плане, и я уже привык, считая, что это её личная террасорская особенность. Стоило ей заняться порезами, как фон и вовсе сменился на ровный.

Смирись, Яр, ты для неё брат и всегда им был.

Пальцы Айлин порхали. Я молча наслаждался этими нехитрыми прикосновениями. Она решила на всякий случай заклеить совсем мелкие ранки на предплечьях, и я не удержался от того, чтобы воспользоваться последними минутами наедине. Ведь когда она сделает свою работу, предложения оставаться в спальне сводной сестры не останутся, верно?

— А вообще, кто-то на сегодняшнем вечере тебе понравился?

Язык мой — враг мой.

Айлин вскинула на меня голубые, как ясное небо в горах, глаза. Но вместо того чтобы поинтересоваться причиной моего любопытства, она лишь прикусила губу, на миг раздумывая.

— Все молодые цварги приятные и милые, однако никто мне не симпатичен настолько, чтобы я захотела продолжить знакомство. Но если кто-то понравится, обещаю, ты узнаешь первым. — Она мило улыбнулась и добавила: — Яр, ты же мой самый близкий друг и защитник с двенадцати лет. Я прибежала к тебе даже с разбитыми коленками. Неужели ты думаешь, я не приду посоветоваться насчёт жениха? — Айлин ловко наклеила последний пластырь. — Готово!

Друг. Защитник. Посоветоваться насчёт жениха.

Эти слова ударили под дых сильнее, чем любой спарринг-партнёр, когда-либо укладывавший меня на татами. Я даже не понял, как перестал дышать. Я молча кивнул, опасаясь, что голос предаст меня. Любые слова сейчас прозвучали бы или фальшиво, или вовсе неуместно.

— Спасибо за доверие... — наконец выдал я и потянулся к рубашке. Она лежала тут же, окровавленная и мятая.

— О, подожди, давай я тебе свежую дам.

— Давай.

Айлин вскочила с кровати, вновь рванула куда-то, но этот раз не к шкафам, а в гардеробную. Через несколько секунд она протянула мою же рубашку, только чистую.

— Это домработница перепутала, когда вещи раскладывала... — пробормотала Айлин с красными, очевидно, от беготни, щеками. — Я всё хотела отдать, да забывала...

— Ничего страшного. — Я кивнул, набросил сорочку и принялся застёгивать пуговицы — самые обыкновенные, не магнитные — дань старинной моде на Цварге.

— А эту я постираю и потом отдам! — Она ловко вытянула у меня из пальцев окровавленную рубашку.

Я снова кивнул, думая о том, что Айлин всё ещё стесняется последствий проявления своих шипов. Ну если ей так проще — пускай.

Ровно в тот момент, когда сестра прибралась, а я полностью привёл себя в порядок, на лестнице зазвучали тяжёлые шаги. А ещё через несколько секунд в дверь постучались:

— Айлин, детка, ты как себя чувствуешь? Можно я зайду?

Сестра обернулась на меня со смятением и мольбой в глазах. Я расценил это как то, что она не хочет, чтобы отец узнал, что она меня поцарапала, и ободряюще улыбнулся. Пускай открывает.

— Да, пап, заходи, — сказала Айлин со вздохом.

— Гости уже разошлись, и я хотел убедиться, что с тобой всё... — начал было отец и осёкся. Его взгляд скользнул по отрезанным рукавам платья Айлин и небуранной аптечке. Меж тёмных бровей залегла вертикальная складка, но стоило отцу увидеть в комнате ещё и меня, как по бета-фону донеслось удивление с осязаемой долей недовольства.

Сестра, как это всегда с ней случалось, приняла всё на свой счёт. Она в принципе переживала, если видела, что отец расстраивается. Но сейчас я чётко мог сказать, что режущие-колючие бета-колебания примешались к его эмоциям лишь тогда, когда он посмотрел на меня.

— Я поскользнулась на лестнице, не удержалась и выпустила шипы, — тихо пробормотала Айлин, — а Яранель оказался рядом, не дал расшибить голову и помог дойти до комнаты.

— Ясно. — Отец сухо кивнул. — Никто не пострадал?

— Конечно нет, — ответил я быстрее, чем Айлин начнёт себя корить. Разве царапины на предплечьях — это что-то серьёзное? Ерунда, разумеется.

— А ты здесь всё ещё потому... — Он выразительно при-

поднял брови.

— ...Я уже ухожу. Спокойной ночи, Айлин.

— Спокойной ночи.

Айлин

Сердце трепыхалось в груди как сумасшедшее. К счастью, Яр даже не задумался, откуда у меня в гардеробной его рубашка. Я украла её ещё полгода назад и по вечерам зарывалась носом, так мне нравился его запах. Я чувствовала себя шварховой[2] фетишисткой, которой нравится трогать одежду Яранеля, но ничего не могла с собой поделать.

Отец появился невовремя. А может, наоборот — очень вовремя, потому что не пристало сводной сестре смотреть на брата с придыханием и испытывать такой трепет в груди.

Мужчины пожелали хороших снов и вышли, а я метнулась к прикроватной тумбочке, схватила стакан, выплеснула воду в цветок и рванула к двери. Способ подслушивания был древним, как и всё родом с моей родины. Стакан к двери, ухо — к стакану.

Впервые, когда я осознала, насколько цварги полагаются на резонаторы, мне даже смешно стало. Цварги считали, что их невозможно подслушать, ведь они улавливают эманации любого разумного существа. То есть стоит подойти на расстояние слышимости человеку или собаке — любой из них почувствует. Именно поэтому, чтобы подслушать двух цваргов, ни в коем случае нельзя приоткрывать дверь или давать

им любой другой беспрепятственный доступ ощутить мои собственные колебания. Это надо делать из-за двери. Зато... взять стакан и услышать разговор чётче — мне никто не помешает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.